

В поисках современной Аркадии

Неюбилейные заметки по случаю юбилея БДТ *Общая газета. — 1999. — 11-17 февр. — с. 10*

ЭТА АББРЕВИАТУРА — БДТ — знакома всем. Она обозначает одну из театральных легенд страны. Возникший в Петрограде, прославившийся в Ленинграде, существующий ныне в Петербурге, Большой драматический театр имени Товстоногова отмечает свое восьмидесятилетие.

...Когда-то здесь было заведено: едва распахивались ворота и машина главного въезжала во двор, по трансляции — всем службам, цехам и артистам, от крыши до подвала, возвещало: «Георгий Александрович Товстоногов приехал в театр». Немедленный скачок закулисной температуры, вибрацию воздуха тогда можно было ощутить физически... Безошибочный показатель места театрального лидера в жизни театра.

Товстоногов не просто владел искусством режиссуры — он в совершенстве знал, что означает «быть главным». Годы с 56-го по 89-й, когда он стоял во главе театра, были, сказал однажды один из его знаменитых

артистов, «годами неистового актерского счастья». Крупнейший театральный маг эпохи обладал железной волей к строительству своего театра и сопротивлению удушливым советским временам. Его лучшие спектакли оставались с теми, кто их видел, на всю жизнь. — Он даже умер так, как хотел, — за рулем собственного автомобиля.

Это случилось десять лет назад. За истекшие годы Большой драматический остро ощутил: имя театра становится участью. Один за другим уходили артисты прославленного ансамбля — Владислав Стрельчик, Евгений Лебедев, Валентина Ковель... Вечный, великий звелит БДТ Дина Шварц... И оставалась стена театра, прежде «намоленного», как храм, неустанными поисками художественной истины. БДТ не вело с режиссурой: надежда на Темура Чхеидзе (от него ждали многого — хотели верить, что грузинская лоза на ленинградской почве еще раз принесет плодосную

ветвь) обернулась разочарованием. Бывший одним из самых талантливых режиссеров своего поколения, Чхеидзе на осиротевшей сцене Большого драматического стал культивировать холодный театр. После «Коварства и любви» его спектакли делались все более тяжеловесными, в них обосновалась пышная фальшь. Прошлое и настоящее разнились как гипсовый макет и живой спектакль. Место театрального лидера оставалось вакантным. Оставшиеся без пастыря, привыкшие к премьерству, артисты оказались раздираемы тоской, амбициями, тяготами борьбы за существование. Стремление «сохранить товстоноговский дух» смешивалось с вялой инерцией театральной жизни, противостоять которой способна только сильная режиссура.

В этом «раскладе» одна из самых драматичных ролей досталась Кириллу Лаврову: театр избрал его художественным руководителем. БДТ жаждал обезопасить себя: человек из-

нутри, надежный, свой... Крупнейший артист вынужденно подчинился трудной задаче: искать режиссеров, сопротивляться унынию и «звездным болезням» в коллективе, отвечать за всё. Лавров ведет свою партию мужественно, с достоинством, но он очень устал...

Ничего об этом не ведающие зрители по-прежнему заполняют зал, хлопают и даже кричат «браво». Но как разнятся аплодисменты после, скажем, «Кадрили» (режиссера А. Максимова) и «Дяди Вани» — единственной, кроме «Пиквикского клуба», оставшейся в репертуаре постановки Товстоногова. Спектакль играют редко, почти стесняясь... В премьерном составе: Войнички — Басилашвили, Астров — Лавров. Всякий раз в финале — гром аплодисментов. Эти овации высокой пробы — дань прежнему БДТ, дань блеску его артистов...

Театр жил трудно, но вдруг (о, это таинственное театральное «вдруг!») в прошлом сезоне

с ним произошло уже нечаемое чудо преображения. Один за другим возникли три спектакля: «Арт» Ясмин Резы в постановке Николая Пинигина, «Аркадия» Стоппарда в постановке Эльмо Нюганена и «Отец» Стриндберга, осуществленный на малой сцене БДТ Григорием Дитятковским, восходящей звездой петербургской режиссуры. Два последних спектакля — «Аркадия» и «Отец» — той степени художественного качества в соединении с острой современностью формы, прекрасными актерскими работами, почти вызывающим интеллектуализмом, которая дает основания говорить о новом для театра пути.

Останутся ли эти спектакли в современной истории БДТ лишь эпизодами? Своих пророков еще надо научиться узнавать: театр за минувшие годы растерял «энергию заблуждения», поотвыл подчиняться новой режиссуре, по-молодому много работать. И хотя только таким способом можно разго-

нять кровь в занемевшем театральном организме, за кулисами уже прополз враждебный шепоток: дескать, спектакли уж слишком длинные, слишком элитарные, больше нам таких экспериментов не надо...

Между Александром Блоком, первым художественным руководителем театра, поверившим, что революция несет с собой обновление и «невиданные перемены», и интеллигенцией наших дней пролегла бездна. Из всех стигнувших в ней иллюзий уцелела, кажется, только одна — театральная. Блок в дневниках 19-го года писал: «Спасать квартиру или имущество? Театр?» Вопрос по-прежнему актуален. Достанет ли у БДТ сил понять время и заново обрести свое место? Найдется ли режиссер, который сотрет пыль с бережно хранимых в музее знаков величия ушедшего театрального монарха? Сегодня это и легче, и труднее, чем десять лет назад.

Марина ТОКАРЕВА

с. - 170,
БДТ